

Александр Ясинский

ИМЯ МЕРЗОСТИ :

СТЕПЬ

Александр Ясинский
Имя мерзости: степь

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Ясинский А. С.

Имя мерзости: степь / А. С. Ясинский — «ЛитРес: Самиздат», 2007

Его разум – выжженная степь. Его поступки – страны и противоречивы. Его противники – все твари мира. Но чья-то злая воля подталкивает его вперед, ломая преграды и преодолевая расстояния к неведомой цели. Ему суждено познать любовь, потерю и все горести земные. Имя ему – Тор. Жизни день первый есть день последний. И длиться он вечно. Истекая кровью, мир живет этот единственный прекрасный, блистательный день, и, пожирая сам себя, умирая на закате, рождается вновь, в ослепительном утре.

© Ясинский А. С., 2007

© ЛитРес: Самиздат, 2007

ПРЕЛЮДИЯ

Имя для мерзости есть мир. И имя для мира есть мерзость. И мерзость в мире, и мир в мерзости. Да будет так. День первый есть день последний. И длиться он практически вечно. Истекая кровью, мир живет этот единственный прекрасный, блистательный день, и, пожирая сам себя, умирая на закате, рождается вновь, в ослепительном утре.

Пробуждение Тора было подобно грозе на рассвете: внезапное и бурное. Его мозг заполнили миллионы эмоций и образов, впрочем, был ли у него мозг, Тор глубоко сомневался. И это была одна не оформившаяся мысль из многих. И она потонула в океане других, более сильных, океане, который в бесконечном движении бился о стенки черепной коробки, стремясь на свободу.

Насчет черепа Тор не сомневался, так как видел уже его однажды. В нечеловеческих руках. В виде кубка. И нечеловеческие губы пили из него мутно-красное кипящее вино. И оно ручейками вытекало из глазниц, стекая на коричневую шерсть, капало на мрамор пола.

И эта мысль ушла в небытие, и ее место заняла другая – желание идти в определенном направлении, потребность, которой невозможно сопротивляться.

Так шел Тор по пыльной дорожке в центре тусклой монотонно-нескончаемой степи, перерастающей у горизонта в тяжелые пепельные облака. Он шел так несколько секунд, он шел так уже чередой жизней. Годы, столетия, минуты – мерки нереальности, ничего не значившие в мире. Мир играл со временем, и время было мокрой глиной на его гончарном круге.

АКТ ПЕРВЫЙ, СТЕПНОЙ

СЦЕНА I: ВСТУПЛЕНИЕ В МИР

Сей-о-мороаш, – дословно означающее на местном диалекте «убивающий взглядом», – возник столь внезапно, что повергнутый в шок рассудок Тора полностью освободился от первородного сна. На самом деле, сей-о-мороаш являлся частью этого пейзажа, дрожащим на ветру чахлым кустиком степи. Столь неотъемлемой частью, что разум фиксировал его слишком поздно, чтоб спастись.

Белая как мука кожа незнакомца, разительно контрастирующая с пламенем опалового медальона, обтягивала его лысый череп, короткая меховая куртка с проплешинами распахнулась, открывая впалую, безволосую грудь; войлочная обувь и грязные шаровары довершали наряд. Хотя глаза его покрывает запыленная повязка, но стоит Тору предостерегающей повести пред собой мечом как сей-о-мороаш поспешно отступает назад, кратко бросив:

- Разворачивайся и убирайся обратно.
- Почему? – еще более лаконично изумляется Тор.
- Ты не можешь пройти здесь.

Пожав плечами, Тор отходит на несколько шагов в сторону. Сей-о-мороаш поворачивается за ним следом.

- Ну а здесь я могу пройти? – дружелюбно интересуется Тор.
- Ты не можешь пройти и там, – механически повторяет, сей-о-мороаш. – Это запретные земли, а я – страж.

Недоумевая, Тор обвел взглядом пыльную пустошь.

- Что же ты охраняешь? – поинтересовался он.

Вместо ответа загадочный незнакомец потянулся к своей повязке.

Внезапно Тор ощутил, как его тело пронзают жгуты чужеродной воли, впиваются под кожу, захлестываются узлами вокруг суставов; как бы со стороны наблюдает, вот толчками

переставляются его ноги, подходя вплотную к стражу, затем возникла сверкающая дуга, окрасившаяся кровью, когда слетала с плеч и покатилась по земле голова сей-о-мороаша.

* * *

...Глаза его были подобны прозрачным бездонным озерам расплавленного рубина. Тор медленно плыл притягиваемый их мягким ненавязчивым водоворотом.

Прошли годы, только тогда он увидел предтечу, тень от тени поднимающейся из бездны. В ужасе он устремился к поверхности, а за его спиной вырастала гигантская чернильная опухоль.

Тор откатился в сторону, рядом промелькнула, захлопываясь и обдавая пышущим жаром пасть на пятнистой, гибкой шее. С трудом, разлепив обожженные веки он видит – вот рядом пролегла полоса вздыбленной, сожженной земли, уходящая за горизонт. Именно на границе с ней и заканчивались ноги Тора, чуть ниже колен.

Он прожил достаточно долго, чтобы стать свидетелем как глаза сей-о-мороаша породили стремительно расширяющейся клуб пламени, сметший его с лица земли...

* * *

...Истекающий какой-то мерзостной слизью сверло кромсало его плоть, в то время как пальцы его в отчаянье затягивали цепочку амулета вокруг шеи сей-о-мороаша. Внезапно все исчезло: на него смотрели тускнеющие, мертвые глаза врага, слегка необычные растянутые до висков, с мутными, воспаленными белками, но всего лишь глаза, и жизнь уже погасла в них.

Меч в его руке задрожал и превратился в извивающуюся змею. Освободившись, она ползла к обезглавленному телу и принялась лакать хлеставшую из разрезанных вен кровь. Имя ей было Нордрон.

Подошедший следом Тор присел на корточки. Еще до конца не осознав, что делает, он поднимает вылетевшую из оправы драгоценность и, тщательно оттерев об одежду, прикладывает ко лбу. И тут же словно некий пресловутый кукловод оставил его, ибо уже ничего не могло помешать неминуемому, когда камень стал вгрызаться в голову Тора.

* * *

Сытое мурлыканье Нордрона.

Пошатываясь Тор, поднимается на ноги, голова его гудит, а сознание обращено в выжженную пустыню, по которой бродят призраки прошлого. Вздвогнув, он вспоминает пригрезившийся кошмар и боязно, осторожно касается лба. В том месте пальцы угадывают ленивое движение разглаживающейся каменной поверхности. Упавший от резкого движения Нордрон, молнией метнувшейся вверх по ногам, груди, теперь устраивался на свое любимое место – обернувшись вокруг руки от локтя до запястья.

Так значит это не сон – он снова ожил? Снова? Он жил? Всплыла где-то слышанная фраза: в проклятом мире ничто не остается долго мертвым. Да, верно, сны-воспоминания о прожитой жизни тревожат убаюканных смертью мертвецов, и те тяжело ворочаются в могилах, продираясь сквозь пелену грез о деяниях прошлых, в ожидании жизни новой, когда их истлевшие кости обрастут плотью, разрубленные части соединятся, земля исторгнет их, когда они вновь будут дышать, видеть, любить и ненавидеть; причем последние два этих явления – стороны одной монеты, которую подбрасывает стечение обстоятельств. Так, ладно, что это за звук?

Шакал, глодавший уже начинающие смердеть останки сей-о-мороаш, неохотно отбегает на несколько шагов и останавливается, жадно облизываясь. Его собрат, лежа подле, делает безуспешную попытку подняться и, выдохнувшись, затихает. Тор в задумчивости подходит к нему, ставит ногу на непомерно раздутое шакалье брюхо и с силой нажимает. Шакал похрипел для приличия, да вскоре захлебнулся собственной блевотиной. И Тор с улыбкой решает, что все померещилось, что он освободился от чужой воли.

«Хотя... если сам Кукольник не навязал мне этот идиотский поступок», – приходит следом мысль, как звон разбитой уверенности, и он понуро тащится прочь.

Шакал, настороженно следя за удаляющейся фигурой, приблизился к покинутому пиршеству и теперь в замешательстве глазееет на прибавившееся лакомство.

* * *

Затем он набрел на распутье, где на придорожном камне радостно улыбается проходящим путникам рогатый череп. Остановился Тор в сомнении, какой путь выбрать, поскольку когда – то, совершив ошибку, здесь ухмылялся и его череп.

Но напрасно Тор ожидает божественного вмешательства, пресловутого «Кукловода», – тот видимо предоставляет ему самому принимать решение. И когда, наконец, Тор делает свой выбор, то слышит за спиной ехидный смех. Первое намерение Тора – вернуться, разнести проклятую вещь на куски, и пойти другой дорогой, но он подавляет этот импульс. Нет, он оставляет Кукольнику сеять повсюду смерть и разрушения. К тому же попытайся он вернуться, то, как бы быстро ни шел, ни на шаг не приблизился бы к распутью. Но он не помнит этого, и упрямо продолжает свой путь, проклятый в проклятом мире, а череп провожает его провалами глазниц, да долго еще по степи разносится издевательский смех.

СЦЕНА II: ЖИВУЩИЕ МЯСОМ ВРАГА СВОЕГО

И вот извивавшаяся дорога уперлась в грубо сколоченный помост с гордо возвышающейся на нем забрызганной гильотиной. Обозревая уныло–серую степь, Тор замечает, как из пожухлой травы в осыпающихся потоках земли восстает нечто облаченное в громадный, некогда красный, а теперь безвозвратно выгоревший колпак с неровными отверстиями для глаз и рта. Не спеша, приближался Палач, раздвоенное змеиное жало болталось в такт его шагам. Из поднебесной вышины налетел ветер, принесший запах гари, и тогда Палач воскликнул:

– Наконец свершилось! Мои внутренности успели ссохнуться и мясо сгнуть на костях, пока я ждал тебя. Я породнился с голодом и ел сам себя,... но это не помогает. Но теперь *ты* здесь и я благодарю жадных богов!

– Захватывающая история, – отвечает Тор. – Я, конечно, польщен оказанным приемом, но только не в качестве пищи. Но тут недалеко валяется превкусный труп одного храбреца, также возжелавшего меня остановить, и если ты поспешишь, то, может, успеешь вырвать пару лакомых кусочков у пожирателей падали.

Палач яростно шипит гадюкой.

– Ах да, прости, там еще в ассортименте есть дохлый шакал, – продолжает насмехаться Тор. – Так что смотри, выбирай, что больше тебе по вкусу.

– Я не ем трупы!

– Ну, тогда поищи экскременты, – назидательно наставляет Тор, – а то ты тут подохнешь с голоду, и сам превратишься в огромную кучу...

– Да я обглодаю твои паршивые кости и разбросаю по степи! А язык повешу на пояс! – вопит разозленный Палач.

И бросается на Тор. Но встречен вошедший в макушку секирой, останавливается. В раздавшемся хрусте черепной коробки, ее гнилое содержимое выплескивается наружу, частично окропляя Тора. Упершись ногой в грудь Палача, Тор тянет секиру, и та разрывает колпак, равно как и лицо под ним, вздыбливает грудную клетку, и чудовище издыхает. Но еще большее остается жить.

Меж тем вывалившиеся кишки шевелятся, и ползаю в пыли, словно черви, и Тор брезгливо переступает через них.

Сам того, не сознавая, Тор отпрыгнул в сторону еще до того, как, прогудев в воздухе, обрушилось лезвие гильотины.

Он вскакивает на ноги, одновременно лезвие взмывает вверх. Задрав голову, Тор осторожно маневрирует. Лезвие – застывшая черная точка на ослепительном диске солнца, – поворачивается, чутко реагируя на его перемещения, и вдруг неожиданно оказывается, зарывшейся в почву в волоске от ноги Тора. Снова легко освободившись, лезвие, как ни в чем небывало возвращается на положенное место. Тор шумно выдыхает, намереваясь вытереть струящийся по лицу пот, он поднимает руку. И получает в лицо поток собственной крови! Какое-то время он недоуменно взирает на торчащие из запястья артерии, затем, интуитивно, нежели, спохватившись, приказывает Нордрону переместиться на искаленную руку. Змей послушно обвивается, затягивая кольца вокруг обрубка, и принимается зализывать рану.

Опустившись на землю, Тор сворачивается клубком, подтянув колени к подбородку. Интересно, отстраненно думает Тор, должен ли чувствовать боль, ибо не помнит еще ее *точное определение*. Нет, нашептывает ему камень во лбу, забудь про боль, тебе она недоступна.

– Но я помню, как искажалось лицо у страждущих, и рвались голосовые связки у съедаемых живо.

– Ты не совершенен и не можешь знать все чувства сразу, – убеждает камень. – Может позже, позже...

Драгоценность говорит с Тором, пока он не засыпает. А в это время мучительно извивается, слабея, его отсеченная кисть. Вскоре и она застывает, сжавшись в кулак. Будет заменена.

Пробудившись, он встал и направился к эшафоту.

Насыпь костей окружает его. «Сколько несбывшихся надежд воплощено здесь?» – подумал Тор, и сам подивился неожиданной мысли. Похоже, разум начал сдвигаться с растительно-созерцательного существования в сторону образов, ассоциаций. Увлекаемый неким магнетизмом Тор медленно обошел эшафот, а затем, решившись, начал восхождение. Впитав разум жертв, иссушенные солнцем доски вместо ожидаемого скрипа издают гнусные проклятия и хулу на великом множестве языках.

– Что, злитесь? – спрашивает Тор, настороженно поглядывая по сторонам и особенно под ноги. – Чего же вы так ревностно стережете?

Все становится на свои места когда, взобравшись, вот видит Тор огромный сапфир, пульсирующий в обрамление концентрической паутины вен, распространяющихся на все лезвие и часть гильотины. Тор осторожно протянул к камню здоровую руку – и тот засветился, потянулся в ответ, как бы вспучился, пытаясь высвободиться. Нордрон преобразовался в стилет, погружившийся в податливую, пупырчатую кожу то ли предмета, то ли твари, как в масло. Стиллет описывает круг, и сапфир падает в ладонь Тора. Выемка тут же начинает заполняться черной, вязкой жидкостью, стекая, она шипит, капая на доски. Тогда Тор, сделав рубящий жест здоровой рукой, разворачивается и бежит к краю помоста; за его спиной Нордрон в точности повторяет движение хозяина, режа дрожащее лезвие. Вот уже верхняя часть его заколебалась словно в нерешительности, обнажая продольный разрез, а затем была сметена выплеснувшимися потоками украденной крови.

Из тучи дыма стрелой вылетел Нордрон и, приняв обычный образ, разместился на предложенной руке. Когда зловонные испарения понемногу развеялись, перед Тором предстало

застывающее озеро шлака, в которое медленно погружались обугленные останки досок и костей.

* * *

Оставив эшафот позади, Тор вынужден идти наугад. Изредка ему попадаются мелкие насекомые, раз он вспугнул вялую ящерицу, нехотя убравшуюся в нору, от горизонта до горизонта степь вымерла и Тор кажется единственным живым существом.

На самом деле все зависит от восприятия; и не однажды степь пыталась забрать его себе. Его сознание затуманилось, тогда со всех сторон подступали призрачные колдовские огни, зовущие или обещающие; вглядываясь в кружащие хороводом языки пламени, он различал перекошенные злобой лица, губы источающие яд злословия и чародейские заклятия, подернутые дымкой забвения людей, неописуемых тварей, другие места и события. Пробудившись от тяжелого забытья, он обычно не мог вспомнить им и ему сказанного, диалоги, которые он вел со своим прошлым, тот груз, что лежал в подсознании мог лишить рассудка, поэтому держался под замком. Но где эта тонкая грань между абсолютной нормальностью и нет? Это всего лишь точка зрения и устоявшееся мнение, то – тень меняющее свои очертания в зависимости от освещения предмета. Ему начинало казаться, что он обречен проживать одну и ту же жизнь, один и тот же круговорот действий, жизнь, замкнутую в кольцо, помещенную в мертвую глыбу мира, который никогда и не был живым, оживающий лишь с его, Тора, появлением и распадающийся, застывая некими первородными формами с его же уходом; что только его присутствие формирует реальность. Но кто – он? Тор знал свое имя, но не помнил давших его, он вспоминал о будущем равно как о прошлом, там он постоянно лишал жизни, и убивали его, он, наконец, существовал, но что это за существование в грезах и грезы о существовании? Однако ж еще существовала еще пока недоступная пониманию чужеродная воля – Кукловод, но тот был не от мира сего, может дьявол, может, не было его вовсе, а это пробуждалась подлинная сущность Тора? Слишком много предложений, и неизвестна истина.

Вот так однажды Тор обнаружил, пробудившись, что спящим следовал за колдовским огнем, который тут же пропал подобно наваждению. После того происшествия он старался идти, уже не отдыхая, до изнеможения, пока не валился, моментально погружаясь в омут беспамятства. И степь в отчаянье выла тысячами глоток невидимых обитателей не в силах заставить измученное тело двигаться.

С каждым переходом Нордрон обнаружил растущее беспокойство. Когда же он стал жалобно пищать, тихонько покусывать за плечо, Тор понял, что змей голоден. Он позволил Нордрону прокусить засохшую корку на обрубке, и змей, урча, насыщался, а после снова зализывал рану. После второй такой кормежки Тор вновь увидел шакалов.

Стая гнала вопящего от ужаса человека, пробежавшего достаточно близко, чтобы Тор разглядел лицо безумца, жалкие лохмотья, сбитые в кровь босые ноги. Он содрогнулся, предвидя такое скорое развитие событий и для себя. В сердцах Тор метнул им вслед дротик, но промахнулся. Один шакал, приотстав, отделился от своры и незамедлительно подхватил воткнувшееся в землю оружие.

Утомленному Тору остается лишь бессильно ругаться пока шакал, издеваясь, носиться кругами, зажав в зубах дротик, чутко пресекая любые попытки Тора приблизиться.

Однако вскоре Нордрону надоела эта забава: шакал изумлено взвизгивает, обнаружив в зубах рассерженную змею. Теперь шакал больше не потешается – отчаянно скуля, он катается по земле, стараясь скинуть вцепившуюся в горло змею. Лишь насытившись, змей отпускает шакала.

Шурша в траве, подполз довольный Нордрон. Тор хочет укорить его за столь явное проявление эгоизма, но передумывает и тот благодарно устраивается на протянутой руке.

– Ну что ж, – произносит Тор, и запекшаяся корка на губах лопается. – По-крайней мере один из нас счастлив.

Намереваясь продолжить путь Тор оборачивается, что бы узреть сидящего неподалеку седого шакала, провожающего ничего не говорящим человеку взглядом незадачливого собрата.

– Убирался б и ты, а то я тебя съем, – предостерегает Тор.

Шакал внимательно и даже как – то оценивающе смотрит на Тора и тявкает в ответ.

– Что, желаешь остаться? – выдвигает предположение Тор. – Будем вместе путешествовать, с Нордроном подружишься. Он змей душевный. Пока сытый. Иль все ж перекусить сперва? Тобой.

Шакал тихонько скулит, давая понять, мол, против такого оборота дел, и мясо у него жесткое, и вши замучили.

– Что не нравится? Да, видно ничего недоделаешь, – другой альтернативы-то нет. Думаешь мне это нравится – запихиваться каким-то вонючим шакалом, которой к тому же вот – вот подойдет от старости?! Меня самого тут недавно чуть не умяли, причем в сыром виде, да еще какой-то сумасшедший засранец. Меня, которого прекрасного запеченного, с приправами и специями подавали на серебряном блюде самому... да в прочем, перед кем я тут распинаюсь!

Шакал почесался и обреченно затрусил вдаль, часто оглядываясь на Тора. Вопреки терзавшему голоду Тор почему-то не испытывал ни малейшего желания осуществлять задуманное. Вместо этого он просто последовал за новоявленным проводником.

И вопреки зарождавшимся сомнению, шакал действительно вывел Тор к чему-то, оказавшемуся покосившимся идиолом черного дерева на пологом склоне плешивого холма. Подле стояла бронзовая чаша, наполненная до краев пронзительно красной жидкостью. Опустившись на колени Тор, с подозрением изучил одиноко плавающего захлебнувшегося слепня, затем перевел вопросительный взгляд на вожака. Тот, расположившись поодаль, красноречиво кивает на чашу и сладко жмуриться. Тор медлит, вертя чашу так и этак. Выбитые иероглифы, извиваясь спиралью на стенках, гласят:

*Сим мы взываем к тебе, о Баал –
Повелитель степи поднебесной,
Пей нашу кровь, но оставь нам тела,
Не пожрав их напастью бесплодия.*

Озарение молнией пронзило Тора, ему стало не по себе, ком подкатил к горлу.

– Ты это к чему хотел меня приобщить? – Тор в ярости кричит на шакала, уловив смысл варварских стихов, но тот уже давно почел за благоразумие заранее скрыться, и Тору остается лишь отборно ругаться на пяти языках и одном мертвом наречии. Под конец тирады Тор швырнул чашу истукану в потрескавшийся лик, чем вызвал бурное негодование Нордрона.

– Какая досада, – бормочет Тор, не теряя, однако, присутствие духа. – Должно быть, боги на меня в обиде – слишком часто я их убивал!

Более ничего не происходит, надергав пучки засохшей травы, Тор поджигает ненавистного идола. Понаблюдав, как занимается пламя, Тор почувствовал себя гораздо лучше.

Затем Тор отключается.

Придя в себя у тлеющих угольков, Тор поднимается и бредет прочь, пошатываясь от голода.

– Еще немного и я буду готов пить собственную мочу. Вот только откуда ей взяться? – разговаривает он сам с собой, что давно уже стало привычкой.

Внезапно лоб его, там, где подобно раковой опухоли или мистическому третьему глазу расплывается кровавый опал, пронзает раскаленная игла.

– Да, я ощущаю, как пробуждается твоя воля, Кукольник, – кивает Тор, останавливаясь на вершине. – Этого ли ты хочешь, чтобы я следовал зову камня? Что ж, посмотрим, что ты можешь мне дать.

По щиколотку в грязи он продирается сквозь поросль покрытых шипами злаков, перепачканные земледельцы, преимущественно женщины и старики, бросая жалкие орудия труда, разбегаются в разные стороны, вопя от ужаса. Путь Тору преграждает тощий степняк с занесенной мотыгой, не останавливаясь (откуда только взялись силы?), Тор делает быстрый выпад и нападавший остается лежать позади. Где-то плачет забытый ребенок, Тор перешагивает скулящую старуху, слишком дряхлую, чтобы бежать, поэтому пытающуюся просто не попасться под ноги. Ведомый Кукольником он не находит места промедлению или удивлению, как нету места состраданию когда он достигает поселка.

Толпа, понукаемая чернобородым колдуном в расписанной бессмысленными узорами мантии, предприняла вялую попытку закидывать его камнями; даже не замедлив шага, Тор надвигается на них, методично отбивая мечом летящие камни.

– Древние говаривали: правитель, не могущий повелитель рабами, есть пастух, ведомый стадом, – изрек Тор, остановившись, окидывая насмешливым взглядом одиноко стоящую фигуру.

– Они бросили меня! Они сбежали! – ошеломлено бормочет колдун, пальцы его торопливо ощупывали прикрепленные шнурами к поясу амулеты.

– Верно. И еще: хуже иметь одного скраденного друга, чем сто врагов – их, по крайней мере, ты убьешь с чистым сердцем. Чем насолил я вам, чтоб получить такой вот прием?

– Ты, взывающий напыщенно о гостеприимстве, цитирующий мудрецов, которых не понимаешь, почему ж не оставил оружие свое за внешней изгородью, как подобает идущему с миром?

– Вы бы сделали из моих жил тетиву для луков, а из кожи шапочку на голову Баала.

– С чего ты взял, безумец?!

– Вы это уже со мной проделывали, – грустно поясняет Тор, и добавляет, – и, по-моему, не раз. Ведь от пришлого чужака ничего хорошего ждать не приходится, не правда ли? А так – нам польза и бог не в обиде.

– Да ты я вижу настоящий кладезь премудрости, – медленно выговаривает колдун, напряженно что-то обдумывая.

– Поневоле станешь, имея в распоряжении вечность, – отвечал Тор.

– Именем Баала заклинаю тебя! – вдруг возопил колдун, видимо найдя нужный амулет.

– Очень впечатляет, – сухо комментирует Тор, складывая руки на груди.

На мгновение колдун смутился; поколебавшись, он продолжает уже менее уверенно:

– ...демон, сгинь в породивший тебя...

– А ты вообще когда-нибудь видел демона? – снова перебивает Тор.

Колдун беспомощно развивает рот и не находит что сказать, лишь молча потрясает зажатой в кулаке костяной пластинкой. Вытащив пластинку из вдруг ставших безвольными, стояло едва прикоснуться, пальцев, Тор изучает нанесенные письма, затем, улыбаясь, протягивает обратно:

– Ты даже не представляешь, коим богатством обладаешь – ведь это торговый ценник времен основания Джеда, поистине раритет!

И тогда несчастный зарыдал, припадая к стопам Тора:

– Пощади, милосердный господин!

– А я и не собираюсь причинять тебе или еще кому-либо вреда. Только будь честен. Ты же не станешь лгать, а колдун? – Тор ласково приподнимает кончиком меча подбородок колдуна. Тот энергично кивает. – Хорошо. Где находится камень Власти? Ты можешь знать его под другим именем, это не важно, но должен догадаться, коли, ценишь жизнь. Подумай,

прежде чем отвечать: ты можешь умереть прямо сейчас, иль отдав камень, до глубоко маразма похвалиться изгнанием демона.

– Но Баал! – стонет колдун. – В благодарность мы по очереди даем ему испить нашей крови, так было испокон веков. И камень дан им. Без него мы мертвы, он питает это место. Я... Я не могу. Поверь!

– Ты *можешь*, у тебя нет другого выхода. Поэтому ты заменишь его схожей безделушкой, или объявишь великое переселение. Если будет, кого переселять. В общем, придумаешь, на то ты и колдун. Поскольку я пришел за камнем, то я найду и возьму его – он моя судьба, которой не могу противиться, даже возжелав, мое проклятие, моя благодать. И никто и ничто не сможет меня остановить! Слышишь? Воззрите ж горе дети идолов, ибо ваш Апокалипсис уже настал!

– В твоей душе обитает монстр, как будто только что ты говорил со мной и вновь уже не ты. Мне открылось! Я вижу! Ты – одержимый! Остановись, пока не поздно, пока монстр не растворил тебя изнутри. Повернись к богу! Он всемогущий, он простит, мы излечим тебя!

Тор упрямо машет головой:

– Камень.

– Да, теперь убедился я в тебе и в Баале... – подавленно вымолвил колдун. – Когда боги смеются, все живое погибает. Камень ты найдешь впаянным в дно жертвенного котла.

– Так-то лучше!

– Да, кстати, – бросает Тор уже через плечо, – тебе ведомо, что Баал также есть одно из имен его противника – демиурга Таноса? По большому счету он един во всех воплощениях.

Колдун лишь что-то неразборчиво промывчал. И Тор обернулся достаточно быстро, чтобы срубить тому голову. Какое-то время, обезглавленное тело, пошатываясь, размахивало, по-видимому, скрываемым ранее в складках одежды кинжалом, затем опустилось на колени, жуткий гротеск, как если бы труп присягал на верность своему убийце. Тор посторонился и тело, наконец, с глухим шлепком успокоилось на земле.

– Вот видишь, как нехорошо предавать? – спрашивает Тор у отрубленной головы, держа последнюю за волосы. Внезапно та открывает глаза и молвит:

– Истинно твое пророчество, о Баал!

С губ колдуна срываются хлопья кровавой пены, однако голос, затухающий, тем не менее, уверен и силен:

*Первым шакал в дыму прибежит,
Берегитесь, о, дети Баала!
Первый заметивший – будет убит,
Погибель на род Баала!
Вот Враг стоит на вершине холма,
Мертвой голове внимая. Обрубок руки,
Но другой – смертью он всех одаряет!
То наступил судный час-
Возрыдайте ж, о, дети Баала!
Вас за грехи он решил погубить-
Мало ему крови, ох мало!*

В следующее мгновение лицо покойника стремительно набухло, глаза вылезли из орбит и упали на землю, и копошащийся клубок белесых червей исторгнут наружу, осыпав Тора. Тор поспешно отбросил голову, в местах, где черви соприкоснулись с кожей остаются саднящие ранки.

Коснувшись земли, клубок распадается, черви ползут, складываясь в оскорбительную надпись. Прочитав, Тор излишне тщательно раздавливает живые иероглифы. Затем он ухо-

дит, а изуродованные губы колдуна продолжают беззвучно шептать продолжение пророчества, которое навсегда останется сокрытым.

Тор проходит от шатра к шатру, заходит он и в дома селян побогаче, выложенные из смеси глины с соломой, не обращая внимания на слезы, угрозы, равно как откупные дары, забирает то, что приглянулось, ибо велика нужда, затмившая даже голос камня, а подлинным богатством в степи является пища, но не рукотворные безделушки, и меч всякий раз обагряется, встречая хоть малейшее сопротивление.

И покинули тогда все убоявшиеся родные очаги, благоразумно спасая жизни свои, а те, немногие оставшиеся, вооружившись, встретили захватчика на рыночной площади, отчаянно помышляя дать отпор. Их было пятнадцать человек, только девятых облачали наспех застегнутые доспехи воинов.

Мрачные, полные решимости сражаться до конца, они нестройно нападают на Тора, потрясая оружием. Чтобы погибнуть. Ибо восстановились силы его. Двоих же, запоздало пытавшихся спастись, постигнет та же участь: почуяв близкую погоню, один обернется, чтобы грудью принять разящее лезвие, другой мог бы поспорить в скорости с ветром, он примет смерть легко и внезапно от настигнувшего его копья, уж почитая себя в безопасности.

Развернувшись, Тор бредет обратно; с радостью отдавшись битве, он не заметил, как вышел из подчинения Кукловода и действовал самостоятельно. К нему приходит кошмарное осознание того, что в скором будущем он неизбежно сольется с ним, вернее, и вовсе погрузится в пучину психоза и начнет отождествлять себя с этой злобной человеконенавистнической волей. «Ну и пропади все пропадом», – думает он, – «чему быть, того не миновать!». Вскоре его догоняет Нордрон.

На труп убитого садиться ворон в странном головном уборе. В фигуре уходящего к выгоревшему горизонту ему видится нечто большее. Может всадник на рыжем коне?

* * *

Располагая более чем достаточным временем для отдыха, Тор без промедления покинул поселок, подгоняемый чувством стыда за содеянное. Теперь он идет налегке, одетый лишь в набедренную повязку да войлочную обувь, голову его защищает подбитая мехом островерхая шапочка кочевника, через плечо перекинута дорожная сума, в которую он сложил найденные припасы: грубые лепешки и съедобные корни, немного жареной саранчи и кузнечиков, а также деревянную фляжку, украшенную фальшивыми самоцветами и наполненную горьковатой колодезной водой; третий камень Власти – изумруд, стал частью левого предплечья и медленно расползается вверх по руке.

Вскоре он нагоняет толстобрюхого степняка, волочащего мешок с добром. Увидав Тора, бедняга роняет пожитки и выхватывает кривой нож, в глазах его отражается безысходность и пот устилает чело. Растерявшись такой реакции, Тор просто ободряюще улыбается ему – всхлипнув, толстяк перерезает себе горло, разом освободившись от всех страхов, равно как и жизни. «Как глупо!», – думает Тор, перешагивая через содрогающееся тело. «Хотя, чего с них взять», – приходит другая мысль. «Они всего лишь люди. А ужас – похоже, становится моим вторым именем».

* * *

На первом же привале к Тору приблизился мертвый шакал: зеленые бельма глазниц укоризненно взирают на убийцу, почерневший от змеиного яда язык уныло болтается из стороны в сторону. Из прорех в шкуре торчат ребра, да виднеется гниющее мясо, облепленное жирными червями.

– Ну вот, видишь, что ты наделал, – укоряет Нордрона Тор. – Ну, нет! – уже кричит он, когда шакал пытается прилечь рядом. – При всем моем сожалении я приказываю тебе уйти, – заканчивает он.

Печально взглянув на Тора, казалось, заглянув в самую душу, шакал захромал прочь; на ходу изрядная часть бока его отваливается, и волочиться следом на тонком длинном лоскуте. Вот он скрылся в траве. Некоторое время спустя, оттуда доносятся визг и хруст и утробное рычание – видать неприкаянная падаль таки благополучно упокоилась в чьем-то желудке.

Тор собирает остатки скромного обеда и продолжает путь. «Слава тем, кто играет в богов, что каждый убитый мной, прямо или косвенно, не тащиться следом, взывая к совести».

Тор сам поразился глубине цинизма, переполнявшего его больной разум. Я – несчастный лишившийся рассудка странник, а все вокруг – не более чем побочные плоды жизнедеятельности жирного червя, паразита что поселился в моем мозгу. Происходящее не имеет, не должно иметь значения, оно не настоящее. А реальность такова, что я лежу на обсосанном ложе в каком-нибудь благотворительном приюте, где заботливая служка раз в день обходит страждущих с бульоном из потрохов и смоченной в уксусе тряпкой. Так, внушая себе, он сосредотачивался на простом механическом движении, тупо переставляя ноги из ниоткуда в никуда.

СЦЕНА III: СУММАРНАЯ

И так он шел, минуя древние развалины, где на треснувшей могильной плите горько плакал старик о том, что никогда не вернется, проникшись состраданием, Тор положил конец его страданиям, мимо разрушенной часовни, где сидел в задумчивости крылатый дух, мимо города прокаженных и отравленных вод, носивших тела русалок, и сидящий на берегу утопленник ласково приветствовал, предлагая хлеб и вино, а шайка грабителей попыталась отнять то небольшое, чем владел; и ведьма вознамерилась украсть его пищу и была убита, и видевший это истукан презрительно скривил каменные губы, а тощий оборванный нищий в алмазной короне, плюнув под ноги, высокомерно отвернулся. Далее, далее – мимо обнаженных красавиц с обнаженными же клинками, стоявших на страже царственных любовников из слоновой кости. Он видел лежавшего на земле человека с отрубленными руками и ногами, который славил судьбу и прекрасного юношу безутешно горевавшего, разодрав богатые одежды, коней несущих пустую колесницу и закованный в цепи скелет на троне. Он бывал в тех краях, где вурдалаки пляшут на костях мертвецов, где сидящий на скале гриф долбит клювом череп императора, к чьим стопам припадало пол мира, и раскаты хохота доносились из могилы шута!

Беременная козлоногая женщина предлагала стать отцом ребенка, покойница в венке из роз, с кожей блее мрамора, к себе в могилу звала, и как поссорились они меж собой; пожира-тель трупов сулил добычу, призрак чудовищного зверя, в раздутом животе которого ворочались съеденные жертвы, ревя, прошел мимо и туман следовал за ним, толпа негодяев пинала голову праведного старца, а безумная старуха кормила грудью умершего младенца.

Безумец – говорящий: «Пойдем, и будем жить счастливо, навсегда!» – слезы на щеках, кровь на руках и венки на могиле есть подлинный удел любви. Где счастье влюбленных, держа-сь за руки гуляющих по фруктовому саду, когда сзади на них падает тень подкрадываю-щейся волчицы? Это реальная жизнь, суть которой пожар. «Чем раньше поймешь, тем раньше умрешь, и меньше в аду проживешь», – кричали мрачные аскеты, бросаясь на Тора. «Насла-ждайся жизнью, как она есть», – отвечивал он, воздвигнув пирамиду из их голов. «Ибо в смерти и подавно нет успокоения».

Он спускался в подземелья, проваливаясь по колени в пыль, расхаживал рядом с обра-тившимися в прах сокровищами, но брал с полок только манускрипты, читая: «Мера всему – Время? Время есть мера сыпучих тел! Ведь ее можно измерить простым падением крупинки», и еще – «Снизойдя до мельчайшего можно видеть малое», и многое другое, потерянную муд-

рость и забытую глупость. Каменные скрижали рассыпались, едва Тор дотронулся, и ветер унес деяния веков и исчерпавшие себя заветы. Он останавливался у разрытого кургана, наполненного золотом, рассматривал и за ненадобностью бросал на землю, попирая ногой, а истлевшая мумия так и не восстала вопреки ожиданиям. Он осторожно обошел отверстие, извергавшие дым и звон кующегося железа, и запах серы, ибо знал, что там ждала только смерть.

Был там еще грязевой омут и как бы человек тонущий. Когда же Тор поспешил на помощь, вот множество рук показались над поверхностью и вцепились в него, едва не утащив в бездну.

Светила плыли по небу, сливаясь и разъединяясь в своем бесконечном движении.

Как-то раз Тор пробудился под тяжестью сидящего на груди шакала. Тор ослабел настолько, что едва мог пошевелиться, предвосхищая это, вожак ощерил пасть в плотоядной усмешке и протягивал что-то стае, чинно рассеившейся полукругом слегка поодаль.

– Снова ты! – это хрип балансирующего на краю небытия.

Седой шакал смеялся, а может, он говорил, постепенно склоняясь, Тор не поручился бы. Вот его клыки нависли над самым горлом. В выцветших глазах Тор читал мудрость поколений. Шипение змеи. Теплая кровь. «Интересно, чья?» – промелькнула мысль, как слова на песке и была смыта набежавшей волной.

СЦЕНА IV: СУМЕРЕЧНАЯ

Кочевники называли их «сетхи» – дикие люди, и справедливо страшились их, наделяя сверхъестественными способностями, ибо в силе и свирепости они уступали только могильным обезьянам Востока. Они передвигались на четвереньках, грязь им служила естественной одеждой, и гривы спутанных волос волочились по земле; они были хищниками, но, испытывая длительный голод, становились всеядными. Они преследовали добычу пока не падали замертво, либо, настигнув, в мгновение ока разгрызали горло жертвы мощными клыками. Так было, и так есть. А будущее закрыто.

В настоящий момент сетхи пытаются настичь одинокого всадника, полуобернувшись, тот изредка посылает стрелы, сражая опасно подобравшегося хищника. Его юное лицо пылает мрачной решимостью, на груди собственноручно вырезанный Иероглиф Возмездия сочится кровью. Обычай требует, чтоб раны оставались не заживленными до тех пор, пока не свершится начертанное. Поэтому Барту Тхаш раздражает ногтями раны, едва те закрываются, приводя в неистовство следующую позади погоню.

Второй всадник, его отец, остался лежать среди бескрайних просторов степи, успев разрубить пополам накинутаго сетхи, прежде чем остальная стая, поджидавшая в засаде, накрыла его вместе с конем валом барахтающихся, дерущихся за пищу тел.

Отставший от стаи сетхи с трудом ковыляет, поджимая покалеченную конечность. Ему удалось сначала откусить древко ранившей его стрелы, а затем и вырвать и пожрать кусок собственной плоти с засевшим глубоко железным наконечником, однако силы медленно, но верно оставляют его. Вдруг порыв ветра доносит до его чуткого обоняния многочисленные запахи, вызывающие в памяти образ более легкой добычи.

Прервав похоронный плач, шакалы разбежались, поджав хвосты, когда переменившийся ветер выдал подкрадывающегося сетхи. Зарывав в бессильной злобе, ибо более не было смысла таиться, он неуклюже пробежал несколько шагов, пока не свалился, взыв от боли. Однако и тут судьба смиловалась над несчастным: сетхи заметил оставленный шакалами труп вожака и подающий слабые признаки жизни человека. Настороженно припадая к земле, сетхи стал приближаться.

... А в Сумеречных Землях шелестит под ногами пепел. Даже сквозь подошву обуви Тор чувствует исходящее тепло. В насыщенном запахами гари воздухе плывут клочья пепла, он

вездесущ, покрывает лицо, руки, проникает сквозь одежду, сугробами собирается на плечах и голове, потревоженный, взлетает из-под ног и долго еще кружится позади. Покрытые копотью полые стволы деревьев приютили сонмы стонающих призраков. Заслышав шаги они обращают страдающие взоры к проходящим. Тор видит исполненные невысказанной муки лики, чувствует, словно прикосновения легких, бархатных пальцев, слышит их жалобы и шепот. Не задерживаясь, он проходит мимо. Полуобернувшись, Королева Сумерек говорит с ним своим призывным, чарующим голосом. Но Тор слышит поднимающийся над миром звон погребального колокола. На губах ее блуждает легкая улыбка, и Тор молча кивает, продолжая идти, сжав зубы, его дыхание затруднено, с каждым шагом нарастает усталость.

Из-под черепков обрушившегося колокола видна подрагивающая рука звонаря, и язык пророка вырезан, зажарен на костре и съеден. Приходит тишина, и иероглиф забвения накладывается на бездну. Сумерки вселенной порождают Яму. В бездонных ее глубинах Тор видит ровное голубое пламя, лижущее груды обезображенных трупов. Под черным небом сидят на корточках могильные обезьяны, покачиваясь в трансе. Он переводит взгляд на Сумеречную Королеву и видит образ неизмеримо далекий, отрешенность, запечатанную на ее лице вместе с выражением трепетной радости и блаженства, когда, слегка подавшись вперед, стоит она полуприкрыв глаза, с прижатыми к груди руками, омываемая волнами удушливого смрада исходящего из Ямы. Он хочет сказать, как она недостижимо прекрасна, но вместе с последним вздохом отравленные легкие рассыпаются в труху, которая заполняет желудок. Тор стремительно стареет: седая борода достигает колен, ногти змеятся по земле; задыхаясь, он падает на землю, в отчаянье разрывая себе грудь. Умирая, он смотрит в испуганные глаза любимой...

* * *

На мгновение сознание вернулось к Тору, и в ослепительном блеске негаснущих солнц он увидел свой вспоротый живот, раскиданные внутренности, и сетхи, с упоением высасывающего из него кишки. Безумие затмило разум Тора, когда, умирая, он накинул петлю из собственных окровавленных кишок и яростно затянул. Человек и зверь остались лежать, так и не разомкнув предсмертных объятий вражды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.